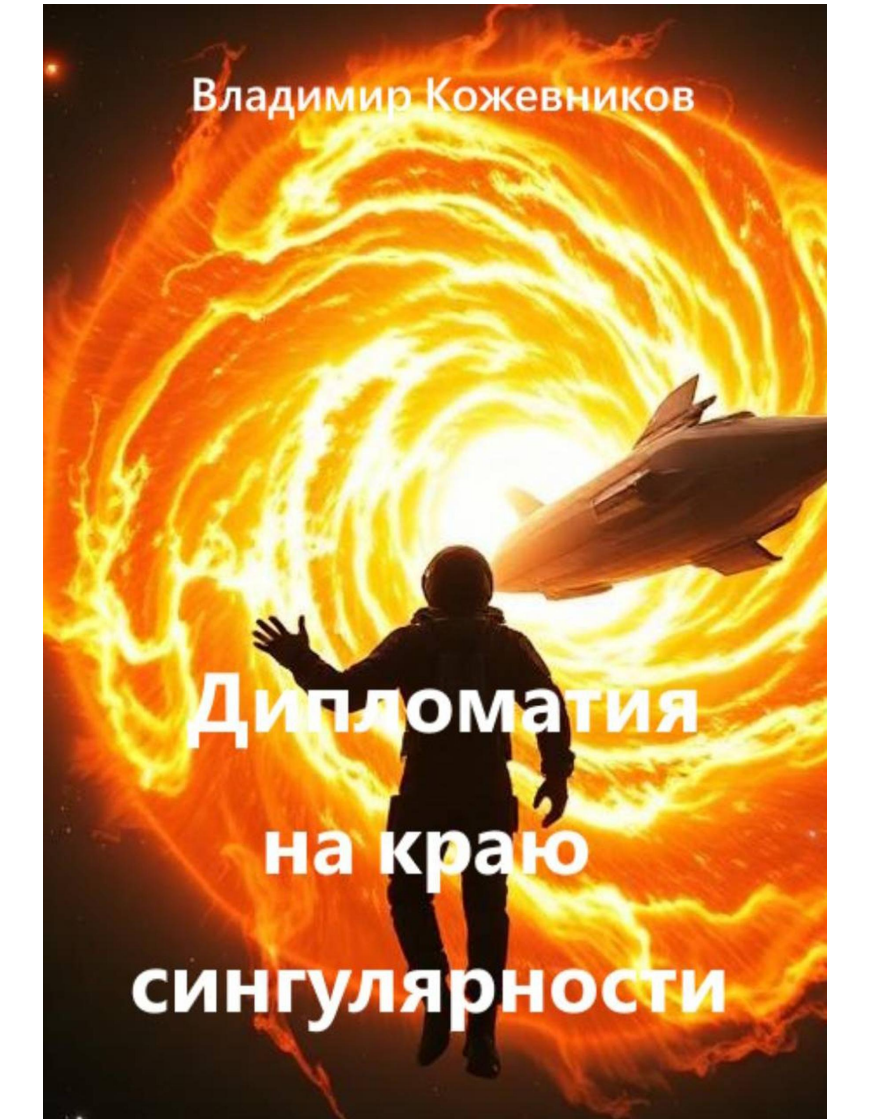

The background of the entire image is a dramatic, fiery orange and yellow swirling vortex, resembling a gravitational well or a singularity. In the center, a person in a dark spacesuit is seen from behind, with their right arm extended towards the vortex. To the right, a sleek, dark fighter jet is flying towards the center of the vortex. The overall atmosphere is one of intense energy and cosmic scale.

Владимир Кожевников

**Дипломатия
на краю
сингулярности**

Владимир Викторович Кожевников

Дипломатия на краю сингулярности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73207308

SelfPub; 2026

Аннотация

В пустоте космоса, где звезды говорят на языке плазмы, а страх становится оружием, встречаются двое изгоев: лингвист, читающий узоры в солнечном ветре, и телепат, слышащая музыку за гранью слов. Их миссия – первый контакт с огненными сущностями «Квазарами» – оборачивается кошмаром, когда из глубин пространства проявляется древний Механизм, плетущий паутину из вселенского ужаса. Чтобы спасти колонию и самих себя, им предстоит совершить невозможное: превратить человеческую эмпатию в мост через бездну непонимания, где единственным ключом к спасению становится не сила, а хрупкая сложность сострадания и отваги перед лицом немой тьмы.

Содержание

Глава 1. Молчание звёздного ветра	4
Глава 2. Чужая частота	10
Флешбек. Алексей, три года назад. Институт Ксенолингвистики, Земля.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Кожевников

Дипломатия на краю сингулярности

Глава 1. Молчание звёздного ветра

Крейсер «Гефест» висел в аспидной пустоте, залитый не светом, а его выхолощенной абстракцией – навязчивым, обесцвечивающим сиянием звезды класса K5, прозванной экипажем «Угольком». Воздух в отсеках был стерильным, но не свежим – его пронизывала едва уловимая смесь запахов: озона от щитовых панелей, старой пластмассы, сладковатым рециклом воды в системе жизнеобеспечения и вездесущей, въевшейся в одежду пыли человеческого быта, которую не могли победить даже фильтры. Алексей Орлов, прижав лоб к ледяному иллюминатору, не видел космоса. Он читал синтаксис.

Холод кварцевого стекла проникал сквозь кожу, напоминающая о том, что снаружи – минус двести семьдесят градусов и беззвучный вакуум, в котором изредка пролетали микрометеориты, оставляющие на броне царапины тоньше волоса. Его мир был миром микрожестов, семиотикой квантовых завихрений в фотосфере звезды, раскалённой до четырёх ты-

сяч градусов. Он слышал её голос – не ушами, а через датчики, преобразовавшие магнитные бури в монотонный, приглушённый гул в наушниках, похожий на дыхание спящего гиганта. Пока команда «Гефеста» сверяла протоколы первого контакта с расой «Квазаров», Алексей, курсант-лингвист с дипломом по ксено-невербалистике, составлял первый в истории человечества разговорник для существ из раскалённой мысли.

Его лаборатория была крошечным кубом, заваленным экранами. Мерцающие голограммы проецировали спектрограммы, карты магнитных полей, трёхмерные модели протуберанцев. Его инструменты – квантовые спектрографы, фиксирующие флуктуации плотности плазмы, превращались под его пальцами в словари. Всплеск интенсивности в синей части спектра – «интерес». Резонансная волна, бегущая по дуге протуберанца – «осторожность». Алексей водил пальцем по тачскрину, соединяя пики и провалы в предложения. Он чувствовал себя не лингвистом, а археологом, раскапывающим грамматику в геологических слоях ядерного синтеза. «Квазары» не просто мыслили. Они танцевали. И их танец был полновесной речью, сложной и прекрасной, как fuga Баха, сыгранная на струнах пространства-времени.

Дверь в лабораторию отъехала с тихим шипением пневматики, впуслав запах кофе и металла из коридора.

– Орлов? – голос был женским, с лёгкой, стёртой дрожью,

будто говорящая годами училась его гасить, выравнивать, делать нейтральным и безопасным.

Алексей обернулся. В проёме стояла девушка в простом синем комбинезоне службы связи, слишком широком для её хрупких, почти детских плеч. Ткань морщилась на сгибах, словно пытаясь скрыть очертания тела. Анна Келлер. Телепат. «Нечистый», как шептались в курилках и за обеденными столами. Её дар, способность ощущать эмоциональный фон на расстоянии световых минут, считали атавизмом, генетическим сбоем, угрозой безопасности. Её назначение на «Гефест» было не повышением, а карантинном – подальше от Земли, подальше от «нормальных» людей.

– Вас предупредили? Меня к вам прикрепили, – сказала она, глядя куда-то в область его подбородка, избегая прямого зрительного контакта. – Для синергии. Моё... восприятие должно дополнить ваши расшифровки. Приказ капитана.

Алексей кивнул, медленно изучая её. Его профессия учила читать невербалику, и он видел целый трактат в её позе. Закрытая: руки скрещены, будто защищая солнечное сплетение. Плечи подняты и сведены вперёд. Взгляд ускользающий, блуждающий по краям объектов. Он читал в людях не хуже, чем в плазме. Страх. Изоляция. Одиночество, знакомое до монотонной боли за глазами – та самая боль, что возникает от долгого вглядывания в яркий свет.

– Я не верю в телепатию, – честно признался он, отодвигая стул. – Я верю в паттерны. В корреляции. В то, что можно зафиксировать, измерить, повторить в лабораторных условиях.

– И я тоже, – тихо согласилась Анна, на миг подняв глаза. В её серых, бездонных глазах, цвет которых напоминал мокрый пепел, плавала титаническая усталость, вес веков. – Пока паттерны не начинают фиксировать тебя. Они там... – едва заметный жест рукой в сторону пылающего диска звезды за иллюминатором. – Они не молчат. Они поют. Целую оперу. Просто ваш приёмник, ваши приборы, ваш ум настроены на... на буквы. На отдельные ноты. А не на музыку. Не на гармонию.

В этот момент сирены на мостике взвыли, превратив тишину в режущие слух осколки. Резкий, пронзительный звук бил по барабанным перепонкам, заставляя вздрогнуть даже привыкших к нему. Голос капитана, огрубевший от адреналина, рухнул в динамики, заполнив собой всё пространство:

«Тревога! «Квазары»! Покидают корону! Целое скопление! Курс... Боже, курс ведёт на «Прометей-7»! Двигутся со скоростью солнечного ветра! Все на места!»

Алексей бросился к консоли, оттолкнувшись от стола и

неуклюже парируя в слабой искусственной гравитации. На экранах спектрального анализа, настроенных на отслеживание сгустков магнитно-плазменной энергии, десятки огненных сигнатур рванули прочь от звезды, как стая испуганных птиц, вырвавшихся из клетки. Они несли с собой оболочку звёздного вещества, удерживаемую собственным полем, и на экране выглядели как кометы из чистого хаоса, хвосты которых тянулись на тысячи километров. Это не было контактом из учебников – размеренным, церемонным, полным предварительных сигналов. Это был шквал. Ураган разума.

Но Анна вскрикнула, негромко и страшно, схватившись за голову. Звук был похож на стон раненого животного. Она пошатнулась, отброшенная невидимым ударом, и Алексей инстинктивно подхватил её, ощутив неожиданную лёгкость её тела и леденящий холод сквозь ткань комбинезона.

– Анна! Что? Что ты чувствуешь?

– Не... это не атака... – её вырвало словами сквозь стиснутые зубы, губы побелели от напряжения. – За ними... сквозь них... идёт сигнал... чужой... холодный, как вакуум смерти... вселенский, бездонный ужас... Он гонит их! Это не нападение, это паника! Бегство!

И в тот миг, когда взгляд Алексея метнулся от искажённого болью и чужим страхом лица Анны к экрану с несущими-

ся к колонии огненными призраками, его безупречная, выстроенная за годы теории дала трещину. Он слышал хруст — не физический, а внутри сознания, где рушились аксиомы. Он готовился переводить приветствия, декларации о намерениях, философские дискуссии. Но первой речью иной цивилизации, первым осмысленным сообщением, долетевшим до человечества, оказался не переводимый, чисто телепатический, животный вопль страха. Панический, заразный, все-сокрушающий крик. А он, лингвист, мастер декодирования, был глух к нему. Совершенно, безнадежно глух. Его инструменты молчали. Его разум был слеп. И в этой глухоте, в этом ослеплении, рождалась первая, щемящая нота его собственного страха.

Глава 2. Чужая частота

Мостик «Гефеста» гудел, как раскалённый улей, готовый взорваться. Воздух здесь был гуще, чем в других отсеках, – насыщенный озоном, потом и едким запахом страха, который не могли поглотить вентиляторы. Бортовые компьютеры издавали низкочастотное, почти неслышимое жужжание, сливавшееся с гудением силовых кабелей, проложенных за обшивкой. Мерцание десятков экранов отбрасывало на лица команды нервные, прыгающие тени синего и зелёного. Капитан Игорь Волков, грузный, но невероятно устойчивый, словно высеченный из гранита костяк корабля, впился взглядом в главный экран. Пятнадцать «аномалий». Пятнадцать призраков из огня и магнетизма, мчащихся к колонии «Прометей-7». Его пальцы, толстые, покрытые старыми шрамами от ожогов и порезов, непроизвольно коснулись стёршегося края фотографии, вмонтированной в панель управления: «Прометей-7», его жена Марина, улыбающаяся чуть грустно, и две дочки – Алиса с бантиком и маленькая Вера на руках. Снимок был сделан пять лет назад, перед его первым долгим рейсом. Он помнил запах её духов – «Серебряный ландыш», дешёвых и оттого бесконечно дорогих – и обещание вернуться к следующему дню рождения Веры. Не сейчас, – промелькнуло в голове, холодной и ясной, как лезвие. Только не сейчас.

– Оружие? – его голос был спокоен, как лёд на поверхности далёкой луны, но в нём слышался низкий гул скрытой ярости.

– Бесполезно, капитан, – офицер тактики, лейтенант Семёнов, был бледен, как полотно. На его виске пульсировала тонкая жилка. – Их оболочка – это звёздное вещество, удержанное магнитным полем чудовищной силы. Мы можем выстрелить в ураган плазмы. У нас нет инструмента, чтобы ранить саму бурю. Предполагаемая мощность...

– Дипломатический канал? – Волков резко повернулся, и его взгляд, тяжёлый, как свинец, упал на Алексея, который втащил на мостик почти невесомую, дрожащую Анну. Он видел, как курсант поддерживает телепатку за локоть, и как она, вжавшись в плечо, старается сделать шаг сама. Слабость, – подумал капитан с привычной суровостью, но что-то в их связанности, в немом диалоге их поз, заставило его задержать взгляд.

Алексей, всё ещё чувствуя в ладони ледяной, липкий холод её пальцев и отголоски чужого ужаса, будто эхо в пустой пещере, сделал шаг вперёд, нарушив невидимую иерархическую дистанцию:

– Капитан. Это не атака. Это паническое бегство.

Тишина, упавшая на мостик, была громче любого гудка тревоги. Даже привычный писк сонарных датчиков на мгновение стих, будто и машины прислушались. Лицо старшего научного офицера Ларина, стоявшего у картографа, исказила гримаса отвращения.

– Обоснуйте, курсант, – в голосе Волкова зазвенела сталь, но в глубине глаз мелькнул проблеск – не надежды, а готовности к нестандартному ходу.

– Телепат Келлер воспринимает фоновую эмоцию, идущую от «Квазаров». Они действуют не по своей воле. Их движет внешний сигнал... чистого, нефильтрованного ужаса. Мы его не фиксируем нашими приборами. Он на другой частоте.

Все головы, как по команде, повернулись к Анне. Она казалась ещё меньше, ещё хрупче под этим градом взглядов – недоверчивых, испуганных, враждебных. Она попыталась выпрямиться, но её плечи снова ссутулились под невидимым грузом. Ларин, человек с лицом, на котором хроническое неодобрение и горечь высекли глубокие, как овраги, морщины вокруг рта, фыркнул. Звук был сухим и резким, как щелчок.

– Фоновый сигнал. Очень удобно. У них, по всем нашим данным, нет технологий для передачи информации вне их

плазменной среды. Они И ЕСТЬ угроза. Как и всё нечистое, что лезет в головы, минуя разум. – Последнюю фразу он произнёс с особой, ядовитой чёткостью.

Алексей увидел, как Анна сжалась, будто от физического удара. Слово «нечистое» повисло в воздухе, наполняя его кислым привкусом предрассудков. Он вспомнил свою бабушку, которая крестилась при виде чёрной кошки, и почувствовал тошнотворное сходство.

– Я могу... дать вам отпечаток, – её голос был едва слышен, шелест сухих листьев. – Не словесный. Эмоциональный. Если подключить биометрию к энцефалографу высокого разрешения... вы увидите паттерн. Не мой. Паттерн чужого кошмара. Он... липкий.

И тогда Алексей, к собственному изумлению, перекрыл Ларина, сделав шаг так, чтобы частично заслонить Анну:

– Капитан. Протокол первого контакта, параграф первый: «Приоритет – распознавание намерений, а не отражение мнимой атаки». Если мы выстрелим в того, кто бежит от тигра, мы станем худшим, чем тигр. У нас есть медицинский сканер «Гиппократ-7» в лазарете. Мы зафиксируем её нейронную реакцию и синхронизируем данные с активностью «Квазаров» в реальном времени. Это займёт двадцать минут. Двадцать минут на проверку гипотезы против тысяч жизней на

«Прометее».

Внутри у Алексея всё сжалось в холодный комок. Он шёл против устава, против старшего офицера, против всего своего осторожного, выверенного пути. Он видел, как Ларин бледнеет от ярости, а дежурные операторы переглядываются. Волков смотрел то на фотографию, где смеялись его дочери, то на экран, где пятнадцать огненных смерчей неслись к дому. В его глазах шла война – между долгом защитить любой ценой и долгом понять, прежде чем уничтожить. Он помнил инцидент на Марсе десять лет назад, когда поспешный выстрел по неизученному артефакту стоил жизни целой исследовательской группе. Тот холодный, механический голос в отчёте: «Ошибка идентификации угрозы».

– Ларин, – капитан выдохнул, и его голос стал глухим, усталым. – Идите с ними. Двадцать минут. Ни секундой больше. Если это бред, галлюцинация или саботаж – в карцер. Оба. И подготовить ионные заряды к дистанционному подрыву на траектории «Квазаров». На всякий случай. Два плана, господа. План А – ваша фантазия. План Б – наша реальность.

Флешбек. Алексей, три года назад. Институт Ксенолингвистики, Земля.

Аудитория пахла старой пылью, мелом и застоявшимся разочарованием. Профессор Гроссман, человек с лицом, похожим на высохшую грушу, тыкал указкой в трёхмерную проекцию щебетания инопланетных «певчих мхов» с Центавры-4.

– Паттерн, господа, – сипло вещал он. – Всё есть паттерн. Эмоция – это хаос, субъективный шум. Наука работает с повторяемым, с верифицируемым. Ваша задача – отфильтровать этот шум, найти грамматику в какофонии.

Алексей, тогда ещё просто Лёша, сидел в первом ряду, жадно впитывая. Ему нравилась эта чистота. Нравилось, что всё можно разложить на графики, частоты, алгоритмы. Его отец, военный пилот, погиб из-за «чутья», из-за «предчувствия», которое не сработало. Мать после этого замкнулась в мире примет и суеверий. Алексей бежал от этого иррационального мира в царство чисел и логики. Он верил, что любой разум, даже самый чуждый, можно понять, если найти правильный код. Эмоции были помехой. Телепатия – лженаукой для отчаявшихся.

На задней парте тихо рыдала девушка с курса биокоммуникаций – её дипломную работу по эмпатическому сканированию простейших только что разнесли в пух и прах как «ненаучную фантастику». Алексей тогда смотрел на неё с холодным презрением. Слабость, – думал он. Если не можешь измерить, значит, этого нет.

Теперь, ведя дрожащую Анну по коридору к медлабу, он чувствовал, как эти старые, удобные убеждения крошатся, как гнилая штукатурка. Она не была слабой. Она несла на себе груз, который его приборы не могли зафиксировать, но который был так же реален, как сталь под ногами. И этот груз сейчас был их единственным ключом.

В стерильном, выхолощенном холоде медлаба пахло антисептиком и озоном. Анна лежала на кушетке, опутанная проводами и сенсорами, как жертва, приготовленная для странного ритуала. Бледный свет без теней падал с потолка, делая её лицо восковым, неживым. Ларин молча наблюдал, скрестив руки на груди, его тень на стене была огромной и угрожающей. Его брат, Пётр, когда-то служил оператором на орбитальном ретрансляторе «Заря-12». Их вырезали во время короткого, жестокого мятежа телепатов-диссидентов, требовавших «эмоционального суверенитета». Пётр не был военным; он просто чинил антенны. Они вскрыли ему череп, пытаясь «найти центр лжи». Ларин видел фото после вскрытия.

Он ненавидел эту магию. Ненавидел всё, что нельзя было починить гаечным ключом.

– Включайте приём, мисс Келлер, – его голос прозвучал слишком громко в тишине. – Поймайте нам призрака. Докажите, что вы не просто ещё одна истеричка с гиперчувствительностью.

Анна закрыла глаза. Алексей смотрел на мониторы, где бежали ровные зелёные линии её энцефалограммы – альфа-ритм, бета-ритм, спокойные волны неглубокого сна. Он молился про себя, чтобы его интуиция, этот внезапный, иррациональный порыв, не подвела.

– Фокусируюсь... на фоне... на том, что позади пламени... – её голос уплыл, стал отстранённым, будто она говорила сквозь толстый слой стекла. – Там... не темнота. Там... холодная пустота, которая хочет быть наполненной... Она тянется...

И случилось землетрясение.

Энцефалограф взвыл пронзительно, как раненый зверь. Ровная зелёная линия взметнулась вверх, превратившись в частокол судорожных пиков и провалов, которые сканер, не справляясь, обозначал мигающими красными вопросительными знаками. Мозг Анны работал в диапазоне, не предназначенном для человеческого сознания – тэта-волны чу-

довишной амплитуды, гамма-всплески, складывающиеся в сложные, повторяющиеся узоры. Одновременно на планшете Алексея, синхронизированном с внешними датчиками, спектрограммы «Квазаров» превратились в зеркальный, почти идентичный вихрь тех же самых судорожных пиков. Корреляция была стопроцентной. Это не было совпадением. Это был дуэт.

– Невозможно... – выдохнул Ларин, подойдя вплотную к мониторам. Его скепсис, его броня из ненависти дала глубокую трещину, и из неё выглянул чистый, неудержимый научный интерес, перемешанный с первобытным ужасом. Он, инженер, верил в данные. А данные кричали.

– Это не их сигнал, – прошептал Алексей, проводя пальцем по графику, чувствуя мурашки по спине. – Он транслируется через них. Они... как струны. Их возбуждают. Они – антенны. А это... модулирующая помеха. Эмоциональный вирус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.